

ГОЛАЗКО
ДЛЯ
ДЕВУШКОК

День признаний в любви

Светлана Лудежич

Только для девчонок

Светлана Лубенец

День признаний в любви

«Автор»

2012

Лубенец С. А.

День признаний в любви / С. А. Лубенец — «Автор»,
2012 — (Только для девчонок)

ISBN 978-5-699-58859-6

Интересно, что будет, если ученики девятого класса на целый день откажутся от вранья? Нельзя врать учителям, одноклассникам, родителям, друзьям, случайным прохожим – словом, всем, с кем сталкивает тебя судьба. Нельзя врать ни по мелочам, ни по-крупному. Смогут ли выдержать девятиклассники такое испытание, особенно если придется открыто признаваться в любви или выручать из беды друзей?

ISBN 978-5-699-58859-6

© Лубенец С. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Только правда и ничего, кроме правды!	5
Хроника дня без вранья	9
07.30. Мушка	9
08.20. Фил	13
08.50. Ирочка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Светлана Лубенец День признаний в любви

Только правда и ничего, кроме правды!

– Раиса Ивановна, я не смог подготовиться к уроку, – проговорил Руслан Савченко, не без труда вытаскивая свое крупное тело из-за детской парты в классе 3-го «Б», куда посадили девятый класс ввиду ошибки в расписании. Пока третьеклассники резвились на физкультуре, 9-й «А» вынужден был ютиться на маленьких стульчиках.

– И по какой же причине, Савченко, ты не смог подготовиться на этот раз? – как-то безнадёжно вздохнув, спросила его учительница русского языка и одновременно классная руководительница их девятого класса.

– Так... бабушке было плохо... «Скорую» вызывали...

Раиса Ивановна поднялась из-за учительского стола, который в этом кабинете был тоже каким-то слишком маленьким и неудобным, и, скрестив руки на груди, сказала:

– Ты, Руслан, хотя бы пожалел свою бабушку! В этом месяце уже несколько раз вызывал для нее «Скорую помощь»!

– А вы что же, хотите, чтобы я ее не вызывал?

– Я хотела бы, чтобы ты наконец перестал врать!

– С чего вы взяли, что я вру?! – очень натурально возмутился Савченко.

– А с того, Руслик, – подал голос с последней парты Федор Кудрявцев, – что совершенно непонятно, в кого ты у нас уродился такой большой и здоровый!

– В каком это смысле?!

– Уж очень у тебя болезненные родственники!

При этих словах Федора по классу прокатился смешок, а он между тем продолжил:

– Мама у тебя вечно в больнице лежит, отца ты без конца в санаторий провожаешь, а младшую сестрицу чуть ли не каждый день к участковому врачу водишь. Понятно, что учиться тебе абсолютно некогда, поскольку ты один здоровенький на всю семью!

– На что это ты намекаешь? – спросил Савченко, лицо которого медленно наливалось краской.

– Я могу и не намекать. Скажу прямо: ты уже всех достал своим ясельным враньем, прямо скулы сводит.

Руслан немного помолчал, соображая, как бы выкрутиться, но так ничего и не придумал, а потому решил сдаться:

– Можно подумать, что ты никогда не врал!

– По такому ничтожному поводу – никогда! – гордо заявил Федор и смерил Савченко презрительным взглядом.

– Да ладно! – громко возмутился Руслан, несколько приободрившись. – А кто на прошлой неделе втюхивал химичке, будто она не предупреждала нас о контрольной работе?!

– Так это же для общего блага, а не для того, чтобы себя отмазать!

– Считаешь, что есть разница?

– Считаю, что есть!

– Так! Довольно! – прервала наконец перепалку одноклассников Раиса Ивановна. – Займемся-ка лучше русским языком. Если ты, Кудрявцев, в отличие от Савченко сделал домашнее задание, то будь так любезен, составь на доске схемы двух первых предложений из упражнения.

– Легко! – согласился Федор и, вытащив из учебника тетрадку, пошел к доске.

– А мне что, все-таки вкатили «пару»? – мрачно спросил Руслан.

– Само собой, – отмахнулась от него учительница, следившая за тем, что тщательно вырисовывал на доске Кудрявцев.

Руслан Савченко некоторое время посидел молча, впериw взгляд в стол, а потом обернулся к классу, чтобы призвать всех присутствующих на уроке в свидетели:

– Нет, вы видели?! Вот если бы не Федька, может быть, меня и пронесло бы! Разве так друзья поступают?!

– Брось, Руслик, – произнесла Соня Чеботарева, не глядя на Савченко, потому что сверяла свои схемы предложений с теми, которые составил на доске Кудрявцев. – Федор ни при чем. Ты же у нас без фантазии, даже соврать оригинально не можешь. Не только Кудрявцева смешат твои отмазки.

– Значит, врать только без фантазии плохо, а если с фантазией – то это нормально?! – не мог успокоиться Руслан.

– Лучше вообще не врать, – буркнула Соня и принялась исправлять в тетради свою схему.

– Может, скажешь, Чеботарева, что никогда не врешь?!

– Стараюсь...

– Но ведь не получается, да? Честно скажи!

– Руслан, немедленно прекрати дискуссию! – потребовала возмущенная Раиса Ивановна, что позволило Соне не отвечать на вопрос Савченко. – Если ты принесешь мне завтра сегодняшнее домашнее задание вместе с тем, которое я задам в конце урока, я исправлю двойку на то, что ты заслужишь. Такой вариант тебя устраивает?

– Да ладно! – теперь уже Руслан безнадежно махнул рукой. – Одной парой больше, одной меньше... Меня другой вопрос заинтересовал. Вот скажите, Раиса Ивановна, вы никогда не врете... ну... то есть не обманываете?

Учительница в задумчивости покачала головой, а потом все же ответила:

– Пожалуй, я, как Соня... стараюсь не врать...

– И у вас получается? – не отставал Руслан.

– Не всегда...

– Вот!! – Савченко громко хлопнул обеими ладонями по своим коленям. – Что и требовалось доказать! Все врут!!! А я один отдувайся!!

– Слууууууушайте!! – сильно растянув «у», вдруг крикнула Кира Мухина по прозвищу Мушка, которое иногда трансформировалось в Муху. – А давайте поклянемся не врать!

– Ну ты даешь! – вступил в разговор Филипп Доронин. – Как же ты сама-то жить будешь?

– Можно подумать, что я все время вру! – возмутилась Мушка.

– Ребята! Довольно! – тоном, в котором уже явно слышались металлические нотки, пресекла разговор Раиса Ивановна. – Если вам хочется поговорить на данную тему, сделайте это на перемене. Ну... или я готова обсуждать с вами сей предмет на классном часе, который у нас сегодня шестым уроком. Кстати, не забудьте о нем!

Доронин, заметив, как вытянулось личико Киры, расхохотался и крикнул ей:

– А ты, Муха, скажи, что тебе сразу после пятого урока надо идти в музыкалку! Зачем жить без вранья, если с враньем – гораздо легче! – Потом в ответ на суровый взгляд классной руководительницы Филипп поднял руки вверх и, все еще улыбаясь, пообещал: – Все, с этой минуты я молчу как рыба и даже готов идти к доске! Что-то у меня много троек накопилось!

На классном часе, когда были обсуждены главные вопросы, по поводу которых и собирались – дежурство по школе, медосмотр и подготовка к школьной новогодней дискотеке, – со своего места вскочила Мушка и завопила, как всегда, оглушительно и звонко:

– И все-таки я хочу вернуться к... вранью! Да! Да! Да! Вот ты, Фил, пытался уличить меня в том, что я прикрываюсь музыкалкой, а я на самом деле не прикрываюсь! У меня сегодня нет занятий, а вот завтра есть – и как раз сразу после пятого урока. Так что, если нам что-

нибудь назначат на завтрашний шестой урок, все знайте, у меня – сольфеджио! И я на него в любом случае пойду, потому что на следующей неделе у меня зачет за первое полугодие, и провалить его я не хочу!

– А ведь сочиняешь, Мушка! – отозвался Федор. – Еще в прошлую пятницу Никанор назначил нам на завтрашний шестой урок дополнительное черчение, поскольку ему показалось, будто мы ему сорвали прошлое занятие. А ты, Мухища, просто идти на него не хочешь!

– Не Никанор, а Владимир Никанорович! – поправила Кудрявцева классная руководительница.

– Дык я ж не возражаю! – согласился Кудрявцев. – Владимир так Владимир! А только наша Муха сочиняет не более искусно, чем Руслик, а поэтому совершенно непонятно, зачем она призывала к отказу от вранья.

– Вот и я про то же самое говорил на русском! – встрял Фил.

Бедная Мушка от возмущения покрылась красными пятнами и явно собралась по своему обыкновению очень темпераментно возразить, но слово вдруг взяла Соня:

– Я сегодня весь день думала над предложением Мушки, и оно мне в конце концов понравилось! А что нам стоит попробовать не врать хотя бы один день? Даже интересно, что из этого выйдет! Давайте... сыграем в день без вранья!

– А как проверять будешь? – развалившись на стуле, спросил Фил. – У тебя что, есть детектор лжи?

– Зачем нам детектор, если все примут условия игры!

– А если я, например, не хочу в этом участвовать, то что?

– Конечно, для чистоты эксперимента хотелось бы, чтобы все приняли участие, – отозвалась Соня. – А разве ты, Доронин, такой отчаянный врун, что не можешь без этого один день продержаться?

– Я-то запросто, – ответил он, – а вот некоторые другие ни за что не продержатся!

– Это опять в мой огород камешек? – взвился Руслан.

– Не только.

– Значит, еще и в мой! – с отчаянием в голосе крикнула Мушка.

– Ребята! Успокойтесь! – Раиса Ивановна даже стукнула по столу классным журналом, который держала в руках. – Не стоит переходить на личности, поскольку всем в жизни приходилось обманывать. В общем... лично я принимаю предложение Киры и Сони. Я готова говорить только правду.

– Один день – это же ерунда! Давайте тогда хотя бы неделю! – подал голос Кудрявцев.

– Нет! – отмела его предложение учительница. – Начнем с одного дня, а там видно будет. Предлагаю днем без вранья назначить следующий понедельник, чтобы все успели морально подготовиться и домашние задания сделать по полной программе.

– Прямо можно подумать, что мы собираемся целый день не есть и не пить! – усмехнувшись, произнесла Валя Андреева. – Подумаешь, не врать один день! Ерунда какая! Я вообще редко вру, так что – готова!

– Ну... я тогда тоже – «за»! – поднял руку Кудрявцев.

За ним поднял руку Фил, а потом один за другим в знак согласия подняли руки остальные одноклассники. Почти все. Похоже, никто и не заметил, что одна рука поднята не была.

– Значит, так! Предлагаю следующие условия игры! – Соня встала со своего места и вышла к доске. – В следующий понедельник, пятнадцатого декабря, день без вранья начинается в семь часов утра и заканчивается в двенадцать ночи.

– Почему так поздно? – изумился Руслан.

– А... пусть... Мало ли что... Вдруг в инете придется списаться ближе к ночи... – отозвалась Соня. – В общем, в этот день никто не должен врать, обманывать, сочинять, фантазировать... и прочее. Нельзя также отвечать на вопрос своим вопросом или отмалчиваться. Будут

запрещены выражения: «А сам-то как думаешь?», «А ты не догадываешься?», «Не твое дело!», «А не пошел бы ты...» и подобные им. В общем, только правда, еще раз правда и ничего, кроме правды! Принимаете?

– Принимаем! – первым отозвался Фил, но тут же с сомнением покачал головой и сказал: – А вообще-то мы ведь можем никогда и не узнать, если кто-то, выражаясь литературно, солжет!

– В любой игре возможны нарушения правил, – вставил Кудрявцев. – Пожалуй, нужно придумать штрафы тем, кого во вранье мы все же уличим.

– Что предлагаешь? – деловым тоном спросила Чеботарева.

– Прямо сейчас ничего умного в голову не приходит, кроме одного: тому, кого мы поймем, будет запрещено приходить на новогоднюю дискотеку... Как? Годится?

– Кто «за»? – обратилась к одноклассникам Соня.

Все проголосовали практически единодушно. Одни подумали, что наказание не такое уж и страшное, если вдруг что... вполне можно сходить поплясать в подростковый клуб «Магнит». Другие решили, что всего-то один день без вранья продержатся легко, поскольку вообще редко прибегают к обману, поэтому дискотека уже у них в кармане. Третьи были уверены, что уж их-то никто никогда не выведет на чистую воду, если все же понадобится приврать. Четвертым почему-то эта затея абсолютно не нравилась, и они даже здорово струхнули, но не проголосовать «за» не смогли, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. Один человек по-прежнему руки не поднимал, но этого, кажется, опять никто не заметил.

Хроника дня без вранья

07.30. Мушка

– Кирюша! Вставай! – Мама стянула с головы дочери одеяло, поцеловала в висок и прошептала в ухо: – Сплюшка ты моя, в школу опоздаешь. Уже половина восьмого.

Мушка резко села в постели и плаксивым голосом возмутилась:

– Ма-а-ам... Ты что, не могла меня пораньше разбуди-и-ить? Как я за полчаса все успею-то?

– А ты поторопись! – ответила мама с порога комнаты, а потом уже из коридора крикнула: – Кирюшка, а ты за музыкалку заплатила? Деньги за ноты отдала? Обещала ведь!

– Отдала! – машинально ответила Мушка и осеклась. Вот и первое вранье за день, который нужно провести кристально честно. Конечно, никто не узнает, что она обманула маму в семь часов тридцать пять минут, но все равно как-то неприятно. Впрочем, в данный момент соврать было гораздо лучше, чем сказать правду. Для мамы лучше. Если бы она узнала, что деньги так и не отданы, очень огорчилась бы и, пожалуй, понесла бы их сегодня сама, для чего ей пришлось бы отпрашиваться с работы. А так она, Кира, сегодня же сделает все как надо, и никому от ее утреннего вранья плохо не будет. Вчера она просто как-то глупо забыла о маминой просьбе. А деньги никуда не делись, лежат себе тихо и спокойно в новом кошелечке густо-малинового цвета. Впрочем, сейчас не до этого. Сейчас надо быстренько собраться в школу, потому что первым уроком у них геометрия, а математичка Любовь Георгиевна не терпит опозданий. Ссориться с ней – себе дороже!

Вылетев из подъезда, Мушка увидела впереди Доронина, который шагал довольно лениво и в школу почему-то не слишком торопился, несмотря на то, что до звонка на первый урок оставалось минут семь. Как всегда, при виде этого одноклассника у девочки так затрепетало в груди, что захотелось заплакать. Доронин ей нравился. Очень нравился. Мушка никак не могла понять чем. Внешне он был абсолютно не в ее вкусе. Кира всегда заглядывалась на высоких брюнетов, а Фил имел рыжеватые и кудрявые волосы и весьма средний рост. Все его лицо было усыпано коричневыми веснушками, а глаза окружали слишком светлые и до смешного пушистые ресницы. Иногда Мушка думала, что именно эти трогательные ресницы и сразили ее наповал, когда она наконец соизволила их заметить. Они учились с Филом с самого первого класса, но понравился он ей только в прошлом году. Вся беда была в том, что ее, Мушку, Доронин вообще не замечал. Кира очень удивилась, когда он вдруг сказал о ее занятиях в музыкальной школе. Она была уверена, что он о ней не помнит ничего. Да и зачем о ней помнить? Она ведь совершенно непривлекательна: маленькая, худенькая, очень смуглая, черноволосая – настоящая Мушка. Кому мухи нравятся-то? Да никому!

Кира хотела свернуть за угол, чтобы не пришлось обгонять Доронина, а потом вдруг поняла, что вот он – ее шанс. Сегодня день без вранья. Фил сам за него голосовал, поэтому сейчас должен честно ответить на ее вопрос. Боясь передумать, девочка еще прибавила шагу и очень скоро поравнялась с одноклассником.

– Привет! – начала она. – Ты чего не спешишь? Скоро звонок. Опоздаем, Любаша нам задаст перцу!

– Успеем, – лениво отозвался Доронин.

– А что ты будешь говорить, если не успеешь? Сегодня же день без вранья! – напомнила ему Мушка, в очередной раз восхитившись густыми ресницами, которыми Фил взмахивал так же лениво, как говорил и шел.

– Как это – что? – Парень рассмеялся. – Правду и скажу.

– Ну... ты же не можешь сказать, что торопился, но все же не успел. Я же видела, что ты не спешил. Что, так и скажешь: «Шел нога за ногу, чтобы опоздать», да?

Филипп оглядел ее странным взглядом и спросил:

– А ты что, Муха, собираешься меня сдать?

– Нет... – Девочка отчаянно замотала головой. – Просто спросила... Мы ведь всем классом договаривались – не врать...

– Но мы не договаривались друг друга подставлять! Не твое дело, хочу я опоздать или нет! Я шел, никого не трогал! Чего ты ко мне прицепилась?

Мушка смутилась и даже хотела гордо удалиться, но тут же сообразила, что другой шанс задать ему прямой вопрос, возможно, больше не выпадет, а поэтому ответила:

– На самом деле мне все равно, опоздаешь ты в школу или нет. А еще мне абсолютно безразлично то, что ты скажешь Любаше, если опоздаешь. Мне нужно задать тебе один вопрос... и я его задам, ладно?

– Ну?! – рыкнул Доронин и даже остановился посреди тротуара.

Мушке очень хотелось сбежать или юркнуть в беседку на детской площадке, возле которой они как раз находились, но она пересилила себя и, с трудом удержавшись, чтобы не зажмуриться, спросила:

– Кто тебе нравится?

– Это в каком же смысле? – спросил в ответ он.

– Сегодня запрещено отвечать вопросом на вопрос, особенно тогда, когда точно понимаешь, о чем идет речь. Но если ты вдруг на самом деле не понял, я уточню... пожалуйста... Кто тебе нравится из девочек нашего класса? – Выговорив это, Кира окончательно смешалась и с трудом добавила: – Ты, Фил... не волнуйся... я никому не скажу... мне просто самой надо знать...

Поскольку Мушка опустила глаза, она не видела, какая буря чувств отразилась на лице Доронина. Она только услышала:

– А не пошла бы ты...

– Это тоже запрещенный ответ, – прошептала девочка.

Фил не успел ничего сказать на этот счет, потому что в здании школы, которое находилось от них шагах в двадцати, прозвенел звонок. Одноклассники охнули в унисон и, одновременно стартовав с места, во весь дух понеслись к школе.

– Почему опаздываем? – как всегда, строго спросила Любовь Георгиевна, когда Мушка с Филом появились на пороге ее кабинета, конечно же, уже после звонка.

Кира открыла рот, чтобы, несмотря на все договоренности, выгородить не столько себя, сколько Доронина, но учительница не дала ей сказать ни слова.

– А ну-ка оба к доске! – велела она и сунула им в руки по карточке с примерами, а сама продолжила проверять у класса домашнее задание.

Мушка смотрела на свою карточку и ничего не видела. Она думала о том, что напрасно сама заварила кашу с днем без вранья. И кто ее тогда за язык тянул? Не зря мама все время внушает, чтобы она сначала думала и только потом говорила, но у нее все равно сначала слова вылетают, а потом остается лишь сожалеть о сказанном. Но она... понятно... эмоциональная такая, неуравновешенная... ей можно простить... А почему Соня-то вдруг согласилась с ее idiotским предложением? Она, эта Чеботарева, такая правильная, рациональная... Или такие вообще никогда не врут, и им прожить день без вранья – что плюнуть? Наверно, так и есть... А вот у нее, Киры, почему-то никак не получается жить честно. С утра маму обманула, потом хотела математичку... Надо как-то взять себя в руки и – больше ни слова неправды! Жаль, что не удалось получить ответ от Доронина... Или не жаль? А вдруг бы он сказал, что ему нравится

Соня? Разве это ей, Кире, было бы приятно?! Впрочем, Чеботарева слишком занудливая... А вот Ирочка Разуваева, ослепительная блондинка, Филу вполне может нравиться. Она ведь многим нравится. Даже суровый историк Альберт Михайлович никогда к Ирочке не придирается, а физкультурник Сашок разрешает ей не сдавать лазанье по канату, потому что, дескать...

– Мухина! – раздался над ухом Кире голос Любви Георгиевны. – Почему ты не решишь?

Мушка вздрогнула и наконец очнулась от своих дум.

– Я... я сейчас буду решать... – пролепетала девочка, а Доронин вдруг произнес нечто странное:

– У нее голова болит. Она мне как раз по пути в школу это сказала... Мы потому и опоздали, что в медкабинет заходили... а он еще закрыт...

Математичка нервным жестом поправила очки в тонкой щегольской оправе и нехотя произнесла:

– Ну... тогда садись, Мухина... Впрочем, погоди...

Кира застыла у доски, не в силах пошевелиться, а Любовь Георгиевна, покопавшись в сумке, достала таблетки и, оторвав одну от упаковки, протянула девочке со словами:

– Сходи в столовую, там дадут запить... Это аналгин... И возвращайся, Кира, пожалуйста, побыстрее, а то увидят тебя в коридоре – мне попадет...

Мушка дрожащей рукой взяла таблетку и вылетела из класса. В столовую она, конечно, не пошла, а сразу юркнула в туалет для девочек, находившийся неподалеку от кабинета математики, спустила аналгин в унитаз, уселась на подоконник и задумалась. Да-а-а... Вот вам и день без вранья... Одно вранье... Доронин тоже хорош! И зачем придумал про головную боль? Ну... подумаешь, получила бы она пару... Ему-то что за дело до этого? Или он таким образом ответил ей на вопрос, кто ему нравится? Нет! Не может она ему нравиться! Она вообще никому не нравится... Хотя... в прошлом году тот же Руслик Савченко писал ей всякие записочки и валентинки посылал в День влюбленных. Но кому он нужен, этот Савченко? Дурак дураком! В этом году он, конечно, здорово похорошел, как-то возмужал, но ума у него нисколько не прибавилось. Вот если бы он не стал опять заливать на русском про свою бабушку и «Скорую помощь», она, Кира, не выступила бы с призывом не врать и не был бы назначен день без вранья. А теперь получается полное безобразие: она предложила не врать, а сама только это и делает. Еще и Доронина втянула. Эх...

Решив, что пора уже идти обратно на математику, Мушка соскочила с подоконника и выскочила в коридор. Когда она проходила мимо дверей, ведущих на лестницу, из них вылетел и столкнулся с ней, чуть не сбив с ног, Егор Карташов из 9-го «Б».

– Ты чего шляешься? – вместо извинения грубовато спросил он и добавил: – Все хорошие дети сидят на уроках.

– Сам-то что же не сидишь? – в ответ спросила Мушка.

– А не твоего ума дело! – ответил Егор и прошел вперед по направлению к кабинету английского языка, потом вдруг остановился и, как-то странно глянув на Киру, спросил: – Слушай, Муха, а может, прикроешь меня?

– В каком смысле?

– А в таком... зайди со мной на английский и скажи Манюне, что ты меня гоняла за сменкой, поэтому я и опоздал.

– С какой стати я стала бы гонять тебя за сменкой? – удивилась Мушка.

– Если честно, мне было бы наплевать на твои гонения, но сегодня я проспал, понимаю... А Манюня меня предупредила: как только я еще раз опоздаю, она потащит меня к директору, потому что я своим появлением, видите ли, срываю тщательно подготовленный урок...

– А я-то тут при чем? – еще больше удивилась Кира.

– А ты скажешь, что дежурная по школе!

– Так я же не дежурная...

– А она-то откуда знает?

– А может, знает!

– Откуда ей знать! Эта Манюня дальше своего английского вообще ничего не видит! А классного руководства у нее нет! Она наверняка не знает расписания дежурства классов по школе. Зачем оно ей?

Мария Ростиславовна Ковязина, учительница английского языка, действительно была не от мира сего. Она любила только английский язык, английскую литературу и английский кинематограф. Несмотря на ее бесконечные рассказы о том, как она тщательно готовится к занятиям, на уроке ее легко было увести, к примеру, от глагольных времен к обсуждению нового английского фильма. К тому же у нее было очень плохое зрение и, как следствие, несколько пар очков для разных нужд. Когда Марии Ростиславовне нужно было взглянуть в лица учеников, она надевала крупные очки в строгой темной оправе. Когда писала в журнале, надевала другие – почти вовсе без оправы, с тоненькими золочеными дужками. Были у нее еще и третьи, как она говорила, – для дали, но в классе учительница ими никогда не пользовалась, так как ее кабинетик был крохотным, все в нем располагалось близко.

Мушка уже совсем было решила помочь Егору, но вспомнила, что у одной из групп их класса сегодняшний урок английского будет открытым, и решила не связываться. Она училась в другой группе, у другой учительницы, но своих подводить не хотела.

– Нет, Карташов! И не проси! Вдруг Манюня как-нибудь узнает, что я никакая не дежурная, и разозлится, а у наших ребят сегодня открытый урок. Не хватало, чтобы она на них отыгрывалась при директоре с завучем!

– Эх! Ну что вы все за люди!! Только о себе думаете! – обиженно проговорил Егор, в полной безнадежности махнул рукой и скрылся за дверью кабинета английского языка.

Кира уже собралась идти на математику, как вдруг ее пригвоздила к полу мысль о том, что она опять чуть не соврала. И ведь непременно сделала бы это, если бы не предстоящий открытый урок. Да что же это такое? Неужели она каждый день безбожно врет по любому поводу и даже не замечает этого? Ну не может такого быть!! Она же нормальный человек, а не патологическая лгунья! Пожалуй, стоит последить за собой и вообще перестать врать. Не только сегодня. Не надо врать никогда! А получится ли?

Мушка тяжело вздохнула и поплелась в класс.

08.20. Фил

Филипп Доронин, получив четвертак за работу у доски, уже решал примеры небольшой самостоятельной работы, сидя на своем месте у окна, когда в класс вернулась Кира Мухина. Она была до того бледной, что Фил решил: он случайно попал в точку. Похоже, у девчонки действительно что-то разболелось. Да, он обманул учительницу на предмет похода совместно с Мухой в медкабинет, хотя сегодня назначен день без вранья, за который он сам же и голосовал. А чего было не проголосовать? Одноклассникам захотелось поиграть? Что же, он готов, но при этом вовсе не собирается придерживаться их правил. Он будет играть по своим, то есть: говорить правду, когда захочет, и ложь, когда это необходимо. А кто желает его на этой лжи поймать – на здоровье! Ловите! Пытайтесь! Только кишка у них всех против него тонка! Вот, например, пожалел он Муху и соврал математичке, что они в медкабинет заходили. Разве кто-нибудь догадался? Никто!

Доронин еще раз бросил взгляд на Киру. Она уже что-то писала в тетрадке, так низко склонив голову, что тощенькие плечики, обтянутые темной блестящей тканью водолазки, некрасиво торчали. Ну настоящая мушка со сложенными за спиной шевелящимися крылышками! И чего Кира сегодня полезла к нему с дурацким вопросом? Зачем ей знать, кто ему нравится? Может, какая-нибудь девчонка подслала? Но кто именно? Хорошо бы Соня... Нет, Чеботарева никогда не стала бы кого-то подсылать. Уж очень она правильная, честная и даже какая-то суровая... С ней непросто... зато... она красивая... У нее высокий чистый лоб... И волос много... Прямые, густые, блестят... Целый русый водопад... Рядом с ней за партой сидит Ирка Разуваева, вся в каких-то кудельках, локонах, завиточках, заколочках... Без слез не взглянешь! И что в ней парням нравится, уму непостижимо? Блондинка – в самом худшем смысле этого слова!

А что, если поступить сегодня как Мушка: подловить где-нибудь в коридорах школы Соню и спросить напрямую, кто из парней ей нравится? Уж она-то не станет увиливать. Она же сама организовала это мероприятие под названием «День без вранья», поэтому ни врать, ни уклоняться от ответа не станет. Да, а вдруг она скажет, что ей нравится Кудрявцев? По Федьке сохнут девчонки всей их параллели девярых. Ну... скажет, так скажет... Это лучше, чем неизвестность...

Решив для себя этот вопрос, Фил опять углубился в примеры. Не успел он решить второй, как раздался голос Любви Георгиевны:

– Разуваева! Ты опять списываешь у Чеботаревой!

– Я не списываю, – автоматически откликнулась Ира, хотя все знали, что она всегда списывает у Сони математику.

– Вот и первая нарушительница! – тут же отметил Кудрявцев и рассмеялся. Смешок прокатился по всему классу.

– Я не нарушаю!! – некрасиво взвизгнула Разуваева и опять добавила свое: – Я не списываю!!

Учительница математики тут же пожалела, что коснулась того, что изменить все равно невозможно. У нее даже лицо приобрело потерянное выражение. Все знали, что на разуваевское списывание она давно закрывала глаза, поскольку у красотки Ирочки не было никаких способностей ни к алгебре, ни к геометрии. И зачем зря тратить слова? Пусть она спокойно списывает. Все равно больше чем на трояк не сумеет.

Любовь Георгиевна тяжело вздохнула и призвала класс к порядку:

– Прекратите смех! У вас осталось всего пятнадцать минут! Работайте!

Но девятиклассников будто подменили. Всем вдруг разом захотелось поговорить.

– Вот! Что и требовалось доказать! – подал голос Руслан Савченко. – Абсолютно все врут через каждые пять минут, а я вечно в дураках, будто самый лживый!

– А у Разуваевой списывание – образ жизни! Она даже не замечает, что списывает, поэтому можно считать, что она не врёт! – проговорил Доронин.

– Ничего я не списываю!! – уже сквозь настоящие слезы прокричала Ирочка.

– Ира! Уймись! Мы это не будем считать! – вступила в разговор Соня.

– Вот интересно, почему вдруг Иркино вранье не считается? – спросил Федор.

– Сам все знаешь, – огрызнулась Чеботарева.

– Допустим, она сказала, что не списывает, машинально, не подумав, что это может быть приравнено ко лжи, – продолжил Кудрявцев, – но ведь она, списывая, обманывает учителя. Разве это не так, Любовь Георгиевна?

Любовь Георгиевна с удивлением посмотрела на Федора. Она никак не могла понять, к чему он клонит. Всю жизнь школьники покрывали списывание друг друга, а тут вдруг у Кудрявцева случился такой странный приступ обличения одноклассницы. И зачем бы парню закапывать Ирочку Разуваеву? Что она ему сделала? Неужели не ответила на ухаживания? Не может быть... Вниманию такого красавца, как Федор, была бы рада каждая девочка.

Учительница взглянула на часы и, громко охнув, вместо ответа сказала:

– Прекратить посторонние разговоры! Через несколько минут будет звонок!

Но класс почему-то потерял к самостоятельной всякий интерес.

– Предлагаю проголосовать: считать ли разуваевское списывание враньем? – заявил Савченко.

– Ты бы лучше за собой смотрел! – отозвалась Соня.

– А что я? Я один сижу, и списывать мне не у кого! Если уж четвертак – так мой законный!

– Да откуда у тебя четвертаки-то? – усмехнулся Фил.

– Даже если и не четвертаки, так любые другие отметочки – тоже мои собственные! – крикнул Руслан. Последние его слова совпали со звонком с урока.

– Сдавайте работы! – потребовала учительница после того, как его трели затихли.

Девятиклассники начали подниматься со своих мест и класть тетради на учительский стол.

Фил вздрогнул, когда возле него раздался сочный шлепок. Это упала на пол сумка Киры Мухиной. Из нее в беспорядке высыпались школьные принадлежности. Некоторые вещицы, проскользнув по линолеуму, улетели довольно далеко от Кириного стола.

Доронин нехотя нагнулся, чтобы помочь однокласснице собрать вещи. Один учебник, тетрадь и что-то вроде косметички выгреб из-под своего стола Кудрявцев. Передавая вещи Кире, он сказал:

– Ну до чего ты, Муха, нескладная! Вечно с тобой что-нибудь случается! Не девчонка, а тридцать три несчастья!

– Вот именно! – согласился с ним Доронин. – Шла бы ты домой, Кируха, если у тебя и впрямь голова болит! – добавил он, сунул в сумку девочки дневник в яркой обложке и пошел к выходу из класса, размышляя о мухинской нескладности. Вот ведь что ни начнет делать, все не так. И внешне собой абсолютно ничего не представляет. Прямо не за что взгляду зацепиться. То ли дело Соня! Эх, Соня... И как к ней подкатиться? Да очень просто! Так же, как к нему сегодня зачем-то подкатывалась Мухина! Он же еще до математики решил, что надо застать Соню врасплох прямым вопросом, подобным Кириюхиному! Та-а-а-ак! И где сейчас может быть Чеботарева? По расписанию у них английский... Открытый урок... Фу-у-у... И к чему эти открытые уроки? В маленьком кабинетике и так нечем дышать, так еще посторонние набьются, будто в автобус в час пик... А Соня, конечно, что-нибудь повторяет. Манюня непременно спросит Соню или Валю, чтобы похвалиться перед присутствующими, как она хорошо выучила английскому Софью Чеботареву и Валентину Андрееву. А вокруг Сони с

Валей, конечно же, скучковались девчонки. Тоже зубрят. Наверняка к Чеботаревой сейчас и не подойти. Ну и ладно. Это даже неплохо. Можно все обставить совершенно по-другому.

Фил оглянулся по сторонам, не заметил рядом ни одного одноклассника и открыл дверь в кабинет английского. Учительница сидела за своим столом и порывистыми движениями листала учебник. Похоже, она здорово нервничала перед открытым уроком.

– Мария Ростиславовна, можно рюкзак положить? – спросил он.

– Да, конечно, – даже не взглянув на него, отозвалась учительница, продолжая терзать страницы учебника.

Доронин бросил рюкзак на стул и опять спросил:

– Может, доску помыть? Что-то она какая-то грязная...

– Да... – ответила Манюня с непонятной интонацией. То ли она удивилась, что доска грязная, то ли согласилась с тем, что ее стоит вымыть перед открытым уроком. Фил решил не уточнять, подошел к доске и взялся за тряпку. В этот момент дверь кабинета приоткрылась, и показалась кудрявая головка Ирочки Разуваевой. Она, как только что Филипп, спросила у англичанки:

– Можно я сумку положу?

– Иди отсюда, Разуваева! – гаркнул на нее Доронин. – Не видишь, человек к уроку готовится!

Бедная Ирочка покраснела, и ее белокурые кудряшки тут же исчезли за закрытой дверью кабинета. Фил намочил тряпку под краном маленькой раковины и протер доску, потом сел на свое место и принялся писать в конце тетради по английскому то, что пришло ему в голову после того, как он раздумал на этой перемене искать Соню.

08.50. Ирочка

После звонка на урок, как и предполагал Доронин, в маленький кабинетик английского помимо учащихся 9-го «А» набилась тьма народу: учителя гуманитарных предметов, все завучи школы, директор и три незнакомые женщины, очевидно, представляющие районный отдел образования. Воздух в помещении как-то сразу сгустился, накалился, всем присутствующим стало одинаково беспокойно и неуютно. Ирочка Разуваева, которая очень не хотела, чтобы ее спросили при таком количестве чужих людей, подумала, что эти открытые уроки – форменное издевательство и над учениками, и над учителями.

Тем не менее раскрасневшаяся от волнения Манюня сумела взять себя в руки, и урок шел своим чередом. Неплохо выступил с домашним заданием Филипп Доронин, за что получил от учительницы благодарный взгляд. Потом о Лондоне с большим пафосом и уверенностью рассказала Валя Андреева. А дальше все разладилось. Ирочку все-таки спросили, и она запуталась в глагольных временах, а потом вызванный к доске Юра Пятковский не смог написать на ней ни одного слова. Мел проскальзывал и только царапал по доске. Учительница тут же выдала Юре другой кусок из специально припасенной на такой случай коробочки, но и им Пятковский не смог ничего написать, каким бы боком ни поворачивал. Как-то вмиг скукожившаяся от расстройств Мария Ростиславовна, вырвав резким движением мел из Юриных рук, попыталась расписать его сама, но с тем же плачевным результатом. На доске не оставалось ни одной буквы, не говоря уже о целых предложениях.

– Что же это... как же... зачем же... – бормотала учительница, ощупывая доску и с ужасом понимая, что написать на ней ничего нельзя.

Обернувшись к присутствующим с изменившимся лицом и дрожащими губами, она все же попыталась спасти положение:

– Ну ничего... – жалко пролепетала она. – Мы можем и устно... Сейчас я прикреплю к доске иллюстрации из «Ромео и Джульетты», и мы покажем гостям, как легко строим диалоги по заданной теме...

Мария Ростиславовна покопалась в бумагах на своем столе и вынула иллюстрацию к эпизоду, в котором Ромео и Джульетта впервые встречаются на балу. Плохо слушающимися пальцами она отрезала кусочек скотча и попыталась с его помощью прикрепить яркую картинку к доске, но у нее опять ничего не получилось. Скотч упрямо не хотел клеиться. Бедная учительница извинилась перед всеми тихим шепотом, который тем не менее все слышали, поскольку в кабинете повисло тягостное молчание. Со скрежетом, особенно неприятно прозвучавшим в создавшейся тишине, Мария Ростиславовна выдвинула один из ящиков своего стола и достала новую упаковку скотча, но и с его помощью не смогла прикрепить к доске ни одной иллюстрации. Она застыла над изображением легендарных влюбленных, которое лежало у ее ног, с выражением почти животного страха на лице. Видимо, она решила, что с этого момента абсолютно все предметы по неизвестной причине вышли из ее повиновения. Ноги учительницу держали плохо. Она оперлась было на спинку стула, но тут же отдернула руку: кто знает, как в сложившихся обстоятельствах поведет себя стул? Лучше надеяться только на себя.

Мария Ростиславовна перевела взгляд на присутствующих в кабинете и жалко пожала плечами. В следующий момент все вздрогнули от резкого звука отодвигаемого стула – со своего места поднялась директриса и громогласно заявила:

– Ну... пожалуй, на этом есть смысл закончить сегодняшний урок. Мария Ростиславовна, зайдите, пожалуйста, ко мне в кабинет в конце рабочего дня. – После этих слов она широко повела рукой в сторону гостей 9-го «А» и предложила им покинуть весьма негостеприимный кабинет английского языка.

Когда все приглашенные на открытый урок вышли, бедная англичанка, закусив сухонький кулачок, выбежала из класса.

– Ну и что это было? – спросил в пространство Кудрявцев.

Поскольку никто ему не ответил, Федор, резко отодвинув стул, встал со своего места и подошел к доске. Он внимательно взгляделся в нее, потом провел по стеклянной поверхности рукой, посмотрел на свои растопыренные пальцы, зачем-то поднес их к носу и изрек:

– Масло... что ли... Или... Не может быть...

– Что «не может быть»? – испуганно спросила Валя Андреева.

– Да так... я хотел сказать, что... В общем, это, конечно же, масло...

– Какое? – зачем-то решила уточнить Валя.

– Откуда я знаю... – раздраженно ответил Федор. – Растительное, наверно... Доска жирная, вот мел и не пишет, и скотч не прилепить...

В классе опять повисла тишина, тяжелая и неприятная. Кудрявцев вытер пальцы о тряпку у доски и сел на место, а к одноклассникам обратился Юра Пятковский:

– И какая сволочь это сделала? Да еще на открытом уроке! Манюня сейчас, наверно, с инфарктом валяется! – Не дождавшись ответа, Юра гаркнул во всю мощь своих легких: – Чего молчите-то?! У нас сегодня, между прочим, день без вранья! Колитесь! Правду! Правду! И ничего, кроме правды!

– Ага! Так прямо и расколятся! – отозвался Доронин и усмехнулся. – Держи карман шире! Меня, например, сразу рассмешили эти детские игры в правду.

– А зачем ты голосовал за день без вранья?

– А я как все! Чего выпендриваться-то? Надо вам – играйте!

– А ты, стало быть, только вид делаешь, что играешь? – выкрикнул Пятковский.

– Ну... вроде того...

– Так, может, это ты доску-то маслицем смазал? Не пойму только зачем?

– Потому и не понимаешь, что мне это делать ни к чему! У меня с английским все в порядке! И Манюня мне не враг!

– Если бы Руслик Савченко не учился в другой группе, я бы решила, что это сделал он, – тихо сказала Валя Андреева.

– Руслик не стал бы так надрываться! – не согласился Юра. – Он же сегодня сказал на русском: «Одной двойкой больше, одной меньше...» Да Савченко и не сообразил бы, как можно училке навредить. – Он еще раз оглядел класс, усмехнулся почти так же, как Доронин, и сказал: – А я бы решил, что доску намазала Разуваева...

– Почему вдруг? – выкрикнула Ирочка и вскочила со стула.

– Да потому, что ты сейчас красней помидорины! К тому же я видел, как на перемене перед уроком ты выходила из кабинета.

– Я не была в кабинете! И доску не трогала!!

– Вообще-то я в этом не сомневаюсь... – Пятковский поморщился. – Ты же не дала мне договорить. Глядя на твои излишне румянькие щечки, я бы тебя заподозрил, если бы...

Он запнулся, и Ирочка, задыхаясь от волнения, продолжила сама:

– Если бы, с твоей точки зрения, я не была бы такая же тупая, как Савченко, да?!

Юра посмотрел на нее с изумлением и ответил:

– Ну... в твоей тупости с этой минуты я уже начинаю сомневаться...

– Да пошел ты! – выкрикнула Разуваева и плюхнулась на свое место.

В кабинете опять стало тихо. Когда раздался звонок, все вздрогнули и начали убирать в сумки и рюкзаки тетради и учебники. Выходили из кабинета одноклассники все в том же тяжелом молчании.

Ирочка крутила в руках тетрадку, выжидая момент, чтобы остаться один на один с Дорониным, у которого как раз в этот момент заклинило на рюкзаке «молнию». Когда кабинет покинул последний одноклассник, Ирочка громко и четко произнесла:

– Я знаю, что это сделал ты!

Фил вздрогнул и обернулся.

– Фу-ты, ну-ты! Напугала! – сказал он и даже помотал головой. – Однако голос у тебя, оказывается, иногда может быть весьма неслабым!

– Повторяю: я знаю, что это сделал ты!

Доронин оставил свою «молнию» и спросил с усмешкой:

– И какие же у тебя, Ирина Разуваева, есть доказательства моей вины?

– Такие! Ты же был в кабинете до урока! Еще меня выгнал! Разве нет?!

– Выгнал, да! Но это вовсе не означает, что я намазал какой-то дрянью доску!

Ирочка на минуту задержалась с ответной репликой, а потом тихо произнесла:

– Я все равно никому не скажу...

– А вот это еще интереснее! Зачем же?! – изумился Доронин и картинно выбросил руку по направлению к выходу из кабинета. – Иди! Доноси! Героиней будешь! У нас же сегодня день без вранья!

– А мне все равно... Я могу обманывать сегодня сколько хочу...

– Почему?!

– Потому что я за день без вранья не голосовала.

– Как это?

– Так это... Я не поднимала руки...

– Все же поднимали...

– А я нет... Я у стены сижу, за Соней меня вообще не видно...

– Ну ты, Разуваева, сегодня просто не устаешь меня удивлять! – Фил машинально дернул язычок заклинившей «молнии» и неожиданно застегнул рюкзак. Он радостно присвистнул и опять обратился к Ирочке:

– Может, расскажешь, почему ты не голосовала?

– Могу... – Ира присела на краешек стола, так и сжимая в руках тетрадку по английскому языку. – Просто я знаю, что обязательно совру...

– Да ну? Что, прямо-таки не можешь удержаться?

– Я не то имела в виду... Не совсем то... Понимаешь, не всегда нужно говорить правду...

Мне так кажется...

– И когда же не надо?

– Ты разве не знаешь, что бывает ложь во спасение? Еще бывает такая ложь, которую говоришь, чтобы не огорчать человека... Да много всяких вариантов...

– Погоди, погоди... То есть ты решила меня спасти от позора своей ложью, да? – догадался Филипп и опять присвистнул.

– Ну... можно и так сказать...

– А зачем тебе это, госпожа Разуваева?

– Вот, например, сейчас стоило бы соврать, чтобы не было так... неловко... Но я скажу правду... Ты мне очень нравишься, Фил. Может быть, я даже тебя люблю... тут сразу не разберешься... Но я знаю, что тебе нравится Соня...

– Откуда? – только и смог выдавить вконец растерявшийся Доронин.

– Просто вижу... Так вот: я никому не скажу про доску... А Соня... Соне Кудрявцев нравится... Так что у тебя нет шансов...

– Нет шансов? По крайней мере один шанс у человека всегда есть! – зло ответил Филипп, повесил на одно плечо рюкзак и вышел из кабинета.

Разуваева тяжело вздохнула, положила тетрадку в сумку и только хотела выйти из кабинета, как в него влетела классная руководительница 9-го «А» Раиса Ивановна.

– Что?! Все уже ушли?! – взревела она. – Напакостили и ушли! Подлецы!! Еще день без вранья устроили! Лицемеры! Негодяи! – Потом, обратившись к Ирочке, Раиса Ивановна скомандовала: – Живо беги в слесарную мастерскую! Там тебе дадут обезжиривающий раствор и кусок ветоши! И чтобы доска была вылизана!!

Ирочка, часто кивая, попятилась к двери и облегченно вздохнула, когда оказалась в коридоре.

Трудовик Игорь Борисович, видимо, был уже в курсе происшедшего, поэтому без всяких просьб со стороны девочки тут же выдал ей пластиковую бутылку, наполненную какой-то голубоватой жидкостью, и тряпку. Когда Ира вернулась в кабинет английского, их классная дама сидела за столом Марии Ростиславовны, подперев голову рукой, с печальным выражением лица. Она что-то хотела сказать вошедшей Ирочке, но ей помешал звонок на урок. Разуваева замерла посреди кабинета, так и не дойдя до доски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.